

ТЕАТР

Ваграм Папазян — Отелло

Отелло — роль, с которой Ваграм Папазян вошел в историю русского и мирового театра.

Существуют разные толкования внутреннего смысла образа Отелло. Пишут о том, что его трагедия — это трагедия обманутого доверия, иные считают, что в Отелло воплощается чувство ревности, доведенное до высшего напряжения.

Величие Шекспира-драматурга в том и заключается, что актер — творец может прочесть шекспировскую роль индивидуально, и значит не может быть двух актеров — творцов, трактующих одну и ту же роль одинаково.

Отелло Папазяна, которого мы видели в спектакле, показанном астраханскому зрителю, при всей величественной цельности его натуры — не лишен обычных человеческих недостатков. Он доверчив и прямодушен, он убивает, чтобы уничтожить зло. Но нельзя было бы сказать, что он чужд чувства ревности, даже некоторой мстительности.

И это несколько не снижает значения положительного образа Отелло, не превращает его в отрицательный, делая в то же время этот образ выпуклым, объемным, глубоко правдивым.

Папазян рисует своего героя яркими контрастными красками, широкими мазками. Тени в этом образе только подчеркивают светлое начало.

Вот отрывок из спектакля: сомнение уже отравило душу Отелло. Он хочет и не может не верить в то, что кажется ему кошмарным преступлением против чести, совести, любви, всего чистого и прекрасного на свете — в измену своей жены Дездемоны.

Его непосредственная и прямая душа в смятении. Но необходимо еще одно, последнее доказательство. Где-то в тайниках сознания сохранилась тень надежды: утопающий хватается за соломинку, хоть и знает, что она его не спасет.

— Где платок, Дездемона? — спрашивает он. В интонациях негромкого голоса Отелло — Папазяна целая гамма самых противоречивых переживаний. В нем угроза и мольба, надежда и отчаяние.

Дездемона молчит.

— Платок?!

Дездемона отдает ему платок — не тот, который жаждет увидеть Отелло, его подарок, возврат которого — доказательство ее невинности. Другой, совсем непохожий платок отдает ему Дездемона.

Отелло в волнении хватается платок и, не поглядев на него, прячет за кушак. Огромное счастье охватило его. Вот сбылось то, о чем он едва смел мечтать. Видимо, в глубине души Отелло еще не поверил в виновность Дездемоны. Он счастлив. Бурный мавританский темперамент его одинаково огромен и в горе и в радости. Отелло благодарит судьбу за избавление от страшной непоправимой беды. Он радуется так непосредственно, так искренне, что зрителям становится... страшно. Что же будет, когда Отелло увидит, что платок не тот?

Так ведет сцену с платком Папазян. Великолепно проведены им сцены у дожа (жалоба Брабанцио) и в самом конце трагедии, после убийства Дездемоны.

Огромный темперамент, страстность и тонкая, умная трактовка большинства сцен в спектакле, проведенных Папазяном, создают впечатление величественной законченности образа Отелло, его достоверности и большой своеобразности.

Остальной актерский состав, занятый в спектакле, оставляет желать много лучшего, даже если рассматривать его просто, как сценическое окружение гастролера Папазяна.

Больше всего возражения вызывает арт. С. Муратов. Его Яго, рядом с Отелло Папазяна, выглядит настолько «мелкотравчатым», пустяковым, что нельзя верить, чтобы этот человек мог так легко обойти Отелло — государственного мужа, умного полководца. Муратов уныло бродит по сцене. За его словами и поступками чувствуется тайное равнодушие ко всему происходящему.

Артистка Л. Тиунова ведет роль Дездемоны на значительно более высоком уровне. Однако в сцене с Эмилией (перед приходом Отелло в последнем акте) она почти «впадает» в истерику, что сразу губит впечатление от образа.

Артистка Г. Юмашева играет роль Эмилию более ровно, не возвышаясь, однако, нигде над посредственным уровнем.

Артист О. Нюрнберг по своим внешним данным вряд ли подходит к роли Кассио.

Исполнители остальных ролей, кроме Брабанцио (арт. С. Патрикеев), часто впадают в откровенный наигрыш.

Ансамбля в спектакле нет. Есть прекрасная игра артиста Ваграма Папазяна.

М. МАРКОВ.